

312372

Родинам

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА С ГЕРМАНСКИМ ФАШИЗМОМ

РАССКАЗЫ О МУЖЕСТВЕ

ОГИЗ

1941

Саратовское областное государственное издательство
Саратов

Последний удар

Под крыльями бомбардировщиков проплывали леса. Белыми лентами вились дороги. За лесами начинались поля, желтые от хлебов.

Через пять минут полета где-то впереди должна открыться картина, нарисованная летчиком разведки: скопище немецких танков, броневиков, пехота на грузовиках и артиллерия.

Одномоторные «Мессершмитты» вынырнули из облаков и бросились на пятерку наших бомбардировщиков. На истребителях были, очевидно, отборные фашистские летчики: они не избегали боя, как обычно, а шли в атаку.

В крыльях и фюзеляжах бомбардировщиков появились дыры. Экипажи видели это и еще ожесточеннее отстреливались от наседавшего врага.

Среди пяти советских бомбардировщиков находился самолет лейтенанта Тарасова и Еремина. Он, как и все остальные, шел за ведущим, не сворачивая с курса. Снаряд вражеского истребителя попал в правое крыло самолета Тарасова. Бомбардировщик вздрогнул от удара, но лейтенант удержал его в строю.

Другой снаряд фашиста вновь заставил самолет вздрогнуть. На этот раз под правым крылом бомбардировщика вспыхнуло пламя. Соседние летчики увидели это. Они заметили также и то, что летчик Тарасов и штурман Еремин тоже видят пожар, но не выходят из

строю. Цель для бомбометания была близка. Летчики—соседи Тарасова—увидели как штурман Еремин появился в верхнем люке. Они увидели его лицо. Он взглянул на горящий самолет и исчез в своей кабине. Самолет по-прежнему не покидал строя пятерки.

Ведущий пятерки, капитан Кошелец лег на боевой курс, и все четыре ведомых бомбардировщика последовали за ним.

Одиннадцать фашистских истребителей снова атаковали наши самолеты, идущие на их танки и моторизованную пехоту. Стрелки-радисты Баймагомбетов, Хайкин, Кручинин, Матвиенко, Капустин и Абибулаев стреляли длинными очередями. В воздухе скрещивались светящиеся линии пуль. Они в упор вонзались в атакующие «Мессершмитты». Три немецких машины вспыхнули и упали в лес.

Стрелки-радисты Матвиенко и Хайкин прекратили стрельбу: они были убиты, стрелок-радист Кручинин ранен. Но остальные машины продолжали ураганный пулеметный огонь по пехоте.

Цель—внизу. Старший лейтенант штурман ведущего самолета Коротецкий бросил бомбы на вражеские танки. С ведомых самолетов тоже вниз пошли бомбы. Летчики видели, как танки, наскакивая друг на друга, бросились врассыпную, как пехота стала разбегаться с полян под зеленые купы деревьев.

Самолеты развернулись на обратный курс, и летчики увидели, как горящие крылья машины лейтенанта Тарасова прощально качнулись. Бомбардировщик перешел в стремительное пикирование и ринулся на скопище вражеских танков.

Из объятый пламенем машины протянулись

вниз светящиеся нити последних пулеметных очередей, уничтожая немецкую пехоту. Железные руки летчика Тарасова направляли самолет прямо на группу танков.

Мелькнули верхушки деревьев, и там, где танки еще не были накрыты бомбовыми залпами, взметнулся вверх столб огня. Бомбардировщик растаял в дыму и пламени последнего удара.

Ни Тарасов, ни его штурман Еремин, ни стрелки-радисты—товарищи Капустин и Ковальский не пытались воспользоваться парашютами над территорией, сплошь усеянной танками, пехотой и артиллерией врага. Они выбрали другой путь — неумолимый таран, последний удар по танкам грудью своего бомбардировщика.

На обратном курсе «Мессершмитты» снова атаковали бомбардировщиков. Они убили на ведущей машине стрелка тов. Амшелогова и еще раз ранили стрелка-радиста тов. Кручинина.

Кручинин вел огонь за двоих. Отбитые в атаке сверху истребители устремились на ведущий самолет внизу, и тогда Кручинин, закусив от боли губы, сполз к люковому пулемету. Ему мешал мертвый Амшелогов. Кручинин отодвигал его и, лежа на теле мертвого собрата, из его пулеметов встречал «Мессершмитты».

И атака была отбита.

**
*

Тарасов и Еремин были молодыми людьми. Дмитрий Тарасов родился в 1916 году в семье крестьянина-середняка села Большой Кутум, Чапаевского района, Саратовской области. Че-

тыре зимы он учился в сельской школе, год—в неполной средней школе, два года—в школе крестьянской молодежи и два года—на Саратовском рабфаке при Плановом институте.

В 1932 году Дмитрий Тарасов вступил в комсомол, в 1935 году был принят в летную школу. Летал в Московском военном округе, воевал с белофиннами. Он не щадил свою жизнь в боях за родину.

Лейтенант Еремин родился на год раньше своего командира в семье рабочего, в Ростове, Ярославской области. Капустин и Ковальский—тоже молодые, но смелые и отважные авиаторы.

День и ночь эскадрилья, в которой летал героический экипаж, бомбит танковые колонны врага. Летчики часто вспоминают своих героев.

Л. КОРОБОВ

Действующая армия.

Валя Тимофеева

Это—женщина, в присутствии которой мужчина не смеет не быть храбрым.

А сама она очень маленькая, худенькая, в больших красноармейских сапогах, брюках и гимнастерке не по росту, с закатанными рукавами.

Там, где закатаны рукава, руки у нее натерты до крови.

— Что ж, неужели поменьше формы для вас не нашлось?

— У меня была прекрасная своя, да разве на меня напасешься!

— Два раза меняла гимнастерку,—объясняет капитан, который был с ней в бою,—она ведь у нас за всех: и за хирурга, и за сестру, и за санитаров.

Валя Тимофеева.

— А давно вы в армии?

— Давно, целый год. Так, что я уже теперь старый военный,—и Валя Тимофеева улыбается своей милой улыбкой.—Меня год назад вызвали в военкомат и спросили: «Хотите в армию идти?» Я говорю: «хочу». «А ничего, что у вас дети?» «Но нет,—говорю,—ничего, что дети, все равно пойду». И пошла. А детей я у мамы оставила. Мама мне говорит: «Твое дело раненым помогать, а я уж сына воспитаю, не беспокойся». Ну, я и не беспокоюсь.

— А где вы учились?

— В Саратовской зубоврачебной школе.

— Вы же хирург?

— Нет, она зубной врач,—улыбается капитан.—Когда у меня в тылу бомбить стали, я попросил прислать врача. «У нас, говорят, только зубной». На худой конец хоть зубного. Тогда говорил: «на худой конец», а зубной-то врач таким золотом оказался, цены ей нет. Ни одного раненого через ее руки не прошло, чтобы она его не перевязала, не обласкала, не утешила душевным словом. А когда к нам в тыл полка пробрались немцы и мы отбивались от них, пока не пришли на помощь наши части, в эти дни она своими руками спасла не одну жизнь... Была сильная бомбежка, мы залегли в окопы, один не успел, его ранило шагах в сорока от нас. Оглядываюсь и вижу, что Валя Тимофеева вылезает из окопа на бруствер. «Куда вы, переждите, вас же убьют!» А она отвечает: «Если убьют, значит, убьют, а пока не убили, надо работать». И поползла вперед.

— И, как видите, была права,—перебивает Валя капитана.—Вот жива и здорова, только... —Лицо ее на минуту становится грустным.—Только он потом умер все-таки, раненый этот... Я когда вылезла из окопа, кричу ему: «Где вы?» Он застонал. Я к нему. Подползла. Он услышал и говорит: «Милая, все-таки вы подползли ко мне». Я говорю: «Конечно, сейчас я вас перевяжу». А сама смотрю —у него шесть ран безнадежных. Но я решила, что нужно перевязать и вытащить его, чтобы ему последние минуты лучше было. Накрыла его сверху плащ-палаткой, потому что ночь темная, и белое сразу видно, и под плащом перевязала ему грудь полотенцем. А он

почувствовал, что полотенце, и говорит: «Что, доктор, смертельные, да?» Я говорю: «Нет, родной, опасные, но ничего, мы сейчас с вами обратно поползем». Он говорит: «Я не могу

Валя Тимофеева.

ползти с вами».—«Нет, говорю, ничего, сможете, я с вами все время вместе буду, потащу вас». А подняться было нельзя, кругом стреляют пулеметы. Но все-таки понемножку ползком притащила его в окоп...

— А вы еще расскажите, как вы других перевязывали,—перебивает ее капитан.

Капитан очень скупно говорит, как он сам с пятнадцатью людьми отбивался от роты немцев. Но, когда речь заходит о Вале, его молчаливость сразу исчезает. Ему хочется, чтобы широко стали известны все ее героические поступки.

— Нет, нет, вы расскажите, как вы еще с другими возились,— настаивает он.

— Ну, и с другими так же, как с этим,— говорит Валя. — В общем, кажется, ничего поработала. Обратного в зубо-врачебный кабинет меня не будете отправлять, а, товарищ капитан?

— Нет, не будем.

— То-то, а то меня перед отъездом полковник брать не хотел. «Во-первых, говорит, вы женщина, а во-вторых, такая маленькая». А я еще до войны занималась и перевязкой, и всем, что здесь нужно. Так и думала: если будет война, не в зубо-врачебном же кабинете мне сидеть. И правда, как война, и зубы у всех перестали болеть. Три дня мой кабинет пустовал, а на четвертый я его бросила.

Вот она стоит перед нами, маленькая женщина в каске, гимнастерке и сапогах, неразлучная со своей медицинской сумкой, героиня отечественной войны, простая, веселая русская женщина из Саратова.

С. КОНСТАНТИНОВ

Действующая армия.

312372

702

Ответ. за выпуск *М. Котов.* Корректор *З. Чуднова*

Подписано к печати 26/VIII 1941 г. НГ8454. Тираж 10000.
Учетн.-издат. 0,42 л. Печати. $\frac{1}{4}$ л. Знак. в бум. л. 107020.
Цена 5 коп.

Саратов. Типография изд-ва „Коммунист“. Заказ 2385.